Прямое Действие

2019, № 37

Издание секции Международной ассоциации трудящихся в России

ВЕЛИКАЯ ПЕНСИОННАЯ ДЕФОРМА

Утром 26 сентября 2018 года сотни возмущенных людей собрались перед зданием в Охотном ряду в Москве, где заседала Госдума, обсуждавшая во втором чтении спорный закон о пенсионной реформе. Несмотря на все протесты, решение было принято очень быстро.

Закон был утвержден голосами правящей партии “Единая Россия”. Все три “оппозиционные” партии – КПРФ, ЛДПР и “Справедливая Россия” – голосовали против. Но это ровным счетом ничего не изменило. В последующие дни состоялось третье, заключительное чтение, а затем закон был подписан российским президентом Путиным.

Новая пенсионная реформа вступила в силу с 1 января 2019 года. Это тяжелейший удар по всему трудящемуся населению России.

Возраст выхода на пенсию до 2028 года будет постепенно поднят с 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин до 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин. Это означает огромную потерю в доходах для миллионов людей. А миллионы других вообще никогда не выйдут на пенсию, потому что умрут раньше наступления пенсионного возраста.

Официальная средняя продолжительность жизни в России составляет 72 года. Но это как средняя температура по больнице между моргом и инфекционным отделением. В 47 из 83 регионах страны средняя продолжительность жизни мужчин не дотягивает до нового пенсионного возраста. Сюда относятся большая часть Сибири, Дальнего Востока, Урала, Поволжья и Севера. Таким образом, миллионы людей так никогда и не получат пенсию, хотя они всю свою жизнь будут уплачивать пенсионные взносы.

Пенсии в России крайне низки. Средний размер пенсии составляет номинально 13500 рублей в месяц (примерно 180 евро). Прожить на эти деньги невозможно. Поэтому многие из достигших пенсионного возраста продолжают работать – в некоторых регионах до 40%. Таким образом, их пенсия становится ощутимой прибавкой к их зарплате. Нынешнее повышение пенсионного возраста лишает миллионы людей примерно трети их доходов.

При номинальной средней заработной плате в 36 000 рублей “работающие пенсионеры” должны были получить в среднем примерно 50 000 рублей в месяц. С новой реформой миллионы мужчин в возрасте от 60 до 65 лет и женщин в возрасте от 55 до 60 лет потеряют в среднем по 13-14000 рублей ежемесячно.

Нынешняя волна неолиберальных реформ в России достигла просто захватывающего размаха. После победы Путина на президентских выборах в марте 2018 года открыто провозглашен курс антисоциального наступления и “политики жесткой экономии”. За “оптимизацией” в образовании и здравоохранении, которая продолжается на протяжении вот уже нескольких лет, теперь следуют новые реформы или, как их иронически называют, “деформы”.

С 18% до 20% был повышен НДС. В правительственных кругах сейчас открыто говорят о том, что нынешняя

пенсионная реформа – это лишь “первый этап”; вполне вероятно, теперь предстоит приватизация пенсионного страхования. Предприниматели уже предлагают внести изменения в Трудовой кодекс, предоставив им возможность увольнять своих работников просто за “утрату доверия”. А председатель Центробанка Эльвира Набиуллина отправилась в штаб-квартиру Международного валютного фонда, чтобы еще и поучить западных неолибералов тому, как их российские коллеги эффективно борются с инфляцией.

Любой капитализм – это, в конечном счете, власть богатых. Это ясно. Но нигде сегодня это не проявляется с такой очевидностью и с таким цинизмом, как в современной России, где 10% самых богатых семей контролируют 82% всего богатства (данные Global Wealth Report 2018, подготовленного банком “Креди Сюисс”). Прогрессивной шкалы налогообложения доходов в России не существует с 2001 года, и все попытки вновь ввести ее категорически отклоняются парламентом. То же самое происходит и с любыми другими предложениями, направленными на то, чтобы побудить богатых хоть немножко пожертвовать от своих богатств. Богатые достаточно умны для того, чтобы находить все новые пути уклониться от налогов, а потому их дополнительное налогообложение не имеет смысла, заявил недавно заместитель премьера Силуанов, один из ведущих неолибералов в правительстве. Более того. Парламент поддерживает все новые льготы для крупных российских концернов.

Ну а как же обстоит дело с социальным сопротивлением в России? Или население согласно с новым неолиберальным наступлением?

Нет, конечно. Различные опросы показывли, что около 80% населения отвергает пенсионную реформу. Почти 50% опрошенных даже выражали готовность вынести свой протест на улицы.

Буржуазная газета “Коммерсант” заметила, что если бы действительно несколько миллионов людей в крупных городах вышли на улицы, чтобы протестовать, власти вынуждены были бы остановить реформу. Но именно этого и не произошло. Хотя митинги протеста прошли более чем в 80 городах страны, но они оказались сравнительно немноголюдными. Даже в Москве и Петербурге в них принимали участие не более нескольких десятков тысяч человек.

И тому есть свои причины. В первую очередь, здесь следует назвать хитрую стратегию правящих кругов, которые сочетали репрессии с заранее подготовленными “уступками”. Эта линия принесла им успех. Хотя пропагандистская кампания правительства и его СМИ на сей раз не смогла убедить население, что реформа “необходима” (“горьким, но необходимым лекарством” назвал ее премьер-министр Медведев) или даже пойдет на пользу будущим пенсионерам, политика “кнута и пряника” привела к всеобщему “облому” и унылому ощущению, что изменить все равно ничего нельзя.

Правительство намеренно выбрало особенный момент для того, чтобы объявить о реформе – 14 июня 2018 г., в начале чемпионата мира по футболу, который в том году проходил в России. Это позволило властям запретить любые акции протеста в важнейших городах страны вплоть до 25 июля якобы для того, чтобы поддерживать общественный порядок во время спортивных мероприятий. Уже 19 июля закон был принят парламентом в первом чтении; первые же крупные митинги протеста в Москве и Петербурге состоялись лишь 28 июля. Драгоценное время было упущено.

Затем, когда поднялась волна протестов, власти принялись тщательно “сортировать” их. Одни митинги протеста разрешали, другие – запрещали. Либо для них отводились отдаленные места, подальше от центра города, чтобы с самого начала снизить число возможных участников. Иногда властители в последний момент отменяли уже выданное ими разрешение на проведение митинга протеста, так что желающие принять в нем участие оказывались совершенно сбитыми с толку.

Неразрешенные демонстрации жестоко разгонялись ОМОНом, с множеством избиений и арестов. Так, например, в ходе демонстраций 9 сентября по всей стране было задержано 1018 человек.

Параллельно с этим, народу был предложен и “пряник”. Президент Путин прервал свое театральное молчание и объявил о некоторых поправках к реформе. Так, например, новый пенсионный возраст для женщин устанавливался не в 63 года, как первоначально предложило правительство, а “всего лишь” в 60 лет. Кроме того, было обещано незначительное повышение пенсий (менее чем на 1000 рублей в месяц). Но все это были не настоящие уступки, а заранее запланированный маневр: вначале предложить самый драконовский вариант реформы, а затем слегка “смягчить” его. Об этих планах российские СМИ сообщали еще в начале июня.

Ни эти, ни другие маневры не спасли популярность Путина и его правительства, которая упала до рекордно низкого уровня. Но они весьма сильно способствовали дезориентации и “облому” населения. Однако очевидны также ошибки и слабости самого движения протеста. Оно, к несчастью, находилось под полным контролем политических партий истэблишмента или внепарламентских партий. Первых интересовали, в первую очередь, результаты следующих выборов (в особенности предстоявших 9 сентября региональных выборов). Такие партийные интересы часто раскалывали движение протеста. Так, например, 2 сентября в Москве состоялись сразу два крупных митинга протеста, поскольку и КПРФ, и “Справедливая Россия” пыталась каждая использовать их для пропаганды своего кандидата в мэры.

Оппозиционный истэблишмент желал всеми силами предотвратить радикализацию протестов. Так, оппозиция практически прекратила проведение крупных митингов в августе и возобновила их только в сентябре, когда оставалось уже слишком мало времени для развертывания движения. Вместо этого была сделана ставка на гипотетический референдум против пенсионной реформы, хотя с самого начала было понятно, что власти сорвут любое народное голосование по этому вопросу с помощью различных институциональных процедур. А внепарламентская оппозиция оставалась маленькой и слабой.

Особо следует сказать о позорной роли, которую сыграли российские профсоюзные структуры. Правда, оба крупных профсоюзных объединения, в принципе проправительственная ФНПР и “оппозиционная” КТР, заявили на переговорах с правительством и предпринимателями, что они отвергают реформу. Но одновременно они не сделали ничего для того, чтобы организовать настоящее и действительно массовое, многомиллионное движение протеста своих членов. Центральное руководство ФНПР саботировало любые уличные протесты. Оно отказалось от проведения централизованных акций и лишь дало разрешение своим местным профсоюзам участвовать в митингах. А профсоюзы на местах развили лишь небольшую, скорее символическую деятельность по мобилизации протестующих.

Руководство КТР вознамерилось вначале встать во главе движения, но не пошло на риск радикализации. Оно собрало несколько миллионов подписей против реформы и приняло участие в нескольких отдельных, чисто подзаконных митингах протеста. О проведении всеобщей забастовки оно, напротив, и слушать не желало.

Анархо-синдикалисты из КРАС, российской секции Международной ассоциации трудящихся, с самого начала понимали, что реформу будет невозможно остановить с помощью отдельных акций протеста. Поэтому они пытались распространять идею всеобщей стачки, принимая участие в уличных митингах и поднимая на них с соответствующие флаги и плакаты, распространяя листовки и развернув кампанию в Интернете. Такая стачка стала бы реальным средством остановить эту антисоциальную реформу. Идея была поддержана и распространялась и другими анархистами и индивидуальными активистами в различных городах страны.

АНАРХО-СИНДИКАЛИСТЫ СТАЛИ ПЕРВОЙ И ЕДИНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ, КОТОРАЯ ПРИЗЫВАЛА ЛЮДЕЙ ТРУДА ГОТОВИТЬСЯ К ПРОВЕДЕНИЮ ВСЕОБЩЕЙ БЕССРОЧНОЙ СТАЧКИ ВПЛОТЬ ДО ОТМЕНЫ ПЛАНА ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ. МЫ ПРЕДЛАГАЛИ СОЗДАВАТЬ СТАЧЕЧНЫЕ КОМИТЕТЫ НА МЕСТАХ И ОКАЗЫВАТЬ ДАВЛЕНИЕ НА СОГЛАШАТЕЛЬСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПРИНУЖДАЯ ИХ ПОДДЕРЖАТЬ ИДЕЮ ЗАБАСТОВКИ.

Режим прекрасно сознавал опасность подобной радикализации, и полиция неоднократно пыталась не пускать на демонстрации товарищей с агитационными материалами за всеобщую стачку. Идея всеобщей забастовки сравнительно неплохо воспринималась демонстрантами. В принципе позитивно реагировали на нее и некоторые профсоюзные активисты. Но это не могло изменить отрицательную позицию профсоюзного руководства. А сильная атомизация российского общества, которая привела к глубоко укоренившейся пассивности, помешала самоорганизации и независимому действию “простых” людей. Критически настроенное “молчаливое большинство” осталось немо и до сих пор продолжает молчать...

КАКИЕ ПРОФСОЮЗЫ НАМ НУЖНЫ?

КАК ОФИЦИАЛЬНЫЕ (ФНПР), ТАК И "ОППОЗИЦИОННЫЕ" (КТР) ПРОФСОЮЗЫ ПОТЕРПЕЛИ ПОЛНЫЙ КРАХ В БОРЬБЕ ПРОТИВ АНТИСОЦИАЛЬНОЙ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ ВЛАСТЕЙ. ОНИ ОТКАЗАЛИСЬ ДАЖЕ ОБСУЖДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКИ, ОГРАНИЧИВШИСЬ ЧИСТО СИМВОЛИЧЕСКИМИ ПРОТЕСТАМИ. ПРОФСОЮЗНАЯ БЮРОКРАТИЯ ЗАВЕЛА ДВИЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ В ТУПИК. ЗАСТАВИТЬ ЭТИ ЗАКОСТЕНЕВШИЕ СТРУКТУРЫ ДЕЙСТВОВАТЬ НЕВОЗМОЖНО. НАМ НУЖНЫ НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ!

Как действенно противостоять посягательству на наши права и интересы? Как дать зарвавшимся начальникам и прочим хозяевам жизни по рукам? Далеко не все наемные работники в России знают, как это сделать, какой должна быть организация трудящихся, способная отстоять наши интересы и нужды?

Например, до сих пор считается нормальным, что все важные решения (о выдвижении требований, проведении выступления, его методах, о ходе переговоров и условиях соглашения) принимаются профкомом, а рядовые члены профсоюза, трудовой коллектив лишь одобряют их. Но это нередко позволяет "лидерам" договариваться с предпринимателями за спиной работников.

Большинство профсоюзов - и "официальных", и "альтернативных" - следуют линии на "социальное партнерство" с хозяевами и властями. Их вожди заседают в различных "трехсторонних комиссиях" и ищут полюбовного согласия с правительством и начальством. Но на самом же наши интересы, интересы наемных тружеников не имеют ничего общего с интересами хозяев и начальников: им надо выжать из нас побольше, мы же хотим не дать им этого сделать!

Многие профсоюзы считают забастовку "крайним", почти нежелательным средством. Но, заранее ограничивая себя в методах борьбы, мы лишь разоружаем и ослабляем себя!

До сих пор во время забастовок и протестов обычным явлением остаётся пассивность их "рядовых" участников, отсутствие эффективных действий, бьющих хозяина по карману. Между тем, действия немногих активистов никогда не смогут заменить массовое участие трудового коллектива. Ведь активистов всегда проще пересчитать по пальцам, запугать, купить, а тех, кто будет честным - уволить, засудить, посадить или даже убить.

До сих пор в практике движения трудящихся в России почти нет забастовок солидарности с рабтниками бастующих предприятий и учреждений... Между тем, поодиночке, изолированные и оторванные друг от друга, мы почти наверняка проиграем.

Многие профсоюзы, пытаясь облегчить себе задачу, обращаются за помощью к политикам, партиям, государству... Иногда это даже позволяет добиться успеха. Но так можно «выиграть сражение, а не войну». Ведь государство и партии - это противники наемных работников. Борясь между собой за власть, они все хотят сидеть на нашей шее. Они пытаются занять нас в политических играх, отвлечь от борьбы за наши экономические и человеческие права - как будто нам не все равно, какая клика правит нами и в чей именно кариман течет то, что у нас украдено!

Мы, трудящиеся, сможем добиться победы в наших требованиях и забастовках лишь в том случае, если сумеем противопоставить произволу чиновников и хозяев нашу солидарность в борьбе и активные действия. Если мы станем действовать сами, а сама наша борьба будет вестись на основе самоуправления. Если мы сохраним независимость от государства, бизнеса и политических партий, понимая, что они не наши "партнеры", а наши непримиримые противники.

На этих принципах строит свою работу наша Международная ассоциация трудящихся, объединяющая действительно свободные и решительно настроенные профсоюзы и группы рабочих активистов многих стран мира. Мы выступаем за профсоюзы без бюрократии и платных функционеров, - профсоюзы, основанные на принципах самоуправления. Все решения в организациях М.А.Т. принимаются общими собраниями членов и лишь озвучиваются их представителями. Мы выступаем против подчинения профсоюзов партиями другим политикам всех мастей, поскольку они стремятся использовать борьбу трудящихся за свои права в своей борьбе за власть. Международная ассоциация трудящихся выступает за использование таких методов борьбы, которые сильнее всего бьют по карману хозяина.

Подобные выступления случаются и в России, хотя пока они остаются редкостью. Чаще всего, такие забастовки организуются самими работниками, "снизу", часто даже без поддержки профсоюзного начальства. Но когда они происходят, М.А.Т. старается оказать им помощь.

Мы выступаем против социального партнерства, за возвращение к традиции противостояния предпринимателям и властям. Мы прекрасно отдаём себе отчет в том, что в нынешних условиях глобализации и неолиберализма возможности чисто профсоюзной экономической борьбы на производстве (за повышение зарплаты, улучшение условий труда, сохранение рабочих мест и иные "частичные требования") ограничены. Необходимо изменить соотношение сил в масштабах общества в целом. Поэтому борьба должна вестись и за частичные улучшения, и за новое общество, основанное на переходе средств производства в руки трудящихся и на всеобщем самоуправлении. Борьба за "частичные требования" – это способ пробудить в людях дремлющие начала социальности и самоорганизации, помочь им обрести опыт неиерархического взаимодействия, коллективного отстаивания своих прав и интересов и подготовить их к самоуправлению. Мы стоим перед выбором - либо играть по правилам, введённым чиновниками, капиталистами и политиками, либо - ориентируясь только на интересы самих людей труда, действовать солидарно и бескомпромиссно.

ТРУД И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

К 20-ЛЕТИЮ ЯСНОГОРСКОЙ СТАЧКИ

В 2019 году исполнилось 20 лет со времени стачки на Ясногорском машиностроительном заводе (Тульская область). Это было первое в современной России массовое выступление наемных работников, которым руководили не профсоюзные или партийные бюрократы, а общее собрание трудящихся.

Активисты российской секции Международной ассоциации трудящихся узнали о забастовке на Ясногорском заводе случайно и поехали посмотреть, что там происходит, своими глазами. Они ожидали увидеть обычную забастовку под руководством профкома ФНПР (это когда профком договаривается за спиной рабочих с администрацией). Но то, что они увидели, превзошло все их надежды. Они увидели завод, который не только контролировался, но отчасти и управлялся самими рабочими.

Ясногорский машиностроительный завод выпускал насосы и другое шахтное оборудование, значительную часть номенклатуры которого больше в стране никто не выпускал. Его продукция пользовалась заслуженной популярностью у шахтеров и в других отраслях промышленности благодаря своему исключительному качеству. На заводе работали люди высокой квалификации. В результате приватизации завод стал открытым акционерным обществом. Потом началась история, очень похожая на многие другие истории такого же рода, случившиеся на пространстве бывшего СССР. Хозяин, владелец контрольного пакета (27%) акций В.А.Ткачев и администрация стали использовать различные схемы извлечения прибыли в обход заводской кассы - сразу в собственный карман. Отпуск продукции своим посредникам по заниженным (процентов на 40%) ценам. Заведомо невыгодный (а, точнее, бессмысленный) бартер. Так, по бартеру администрация попыталась обменять 14 насосов на сумму 79 500 рублей на машину метел. Жаловаться было бессмысленно. Власти и прокурор Матвейчик всецело стояли на стороне тогдашнего генерального директора И.Г.Чернова и его товарищей.

НАЧАЛО КОНФЛИКТА

Первые попытки бастовать возглавлялись стачкомом, руководимым председателем профкома И.М.Кузнецовым. Однако никаких результатов это не дало. Профком быстро нашел общий язык с администрацией. Впрочем, у директора и председателя профкома, по слухам, всегда были хорошие отношения. Во всяком случае, зарплата в 3000 рублей (+3% от прибыли завода), выплачивавшаяся, по-видимому, без задержек, не позволяла вышеозначенному председателю всерьез бороться за изменение ситуации на заводе, ибо сам он чувствовал себя вполне комфортно - сложившаяся на заводе ситуация его, лично, полностью устраивала! В июне 1998 г., так ничего толком и не добившись, коллектив завода был отправлен в двухмесячный неоплачиваемый отпуск. Правда на складах завода была готовая продукция, которую за это время вроде бы хотели продать. Так что, к концу отпуска у людей была все же надежда на получение зарплаты. Но во время этого отпуска вдруг как грибы стали расти коттеджи заводского начальства. А выйдя на работу, рабочие вдруг обнаружили, что нет ни продукции, ни зарплаты, а их собираются отправить в отпуск еще на месяц. Стихийно собралась конференция с участием более 4000 человек (практически все работники завода). На этой конференции старый профком и стачком были смешены. Председателем профкома стала уволенная незадолго до этого Антонина Ивановна Чекмарева, а председателем стачкома Андрей Гуан-Тин-Фа. Это вызвало негодование администрации и Облсовпрофа, но на первое никто не обратил внимание, а председателю Облсовпрофа намекнули, что сейчас профсоюзов много, есть из чего выбирать. 14 сентября 1998 г. началась бессрочная забастовка, а 28 сентября собралась заводская профсоюзная конференция. На этой конференции Ленст Рошеня, сотрудник отдела снабжения предприятия, предъявил доверенность на управление акциями, принадлежащими рабочим завода. Надо сказать, что человек этот, образованный, юридически грамотный и имевший у рабочих завода в силу этих своих качеств авторитет, все точно рассчитал. На собрании присутствовали владельцы 72% акций и совет директоров. Конференция была преобразована в собрание акционеров, Рощеня избран новым генеральным директором, исполнительным директором назначен В.Д Дронов. В ответ 22 октября прокурор объявил действия рабочих «недействительными и не имеющими юридической силы». 4 ноября аналогичное решение принял городской суд. 3 декабря власти арестовали Дронова, а на следующий день Рошеню.

Рабочие потребовали освободить арестованных и пригрозили перекрыть железнодорожную магистраль. Заодно они взяли под арест собравшийся в ДК совет директоров. Для полного комплекта кое-кого пришлось вытаскивать из постели. После этого Дронова и Рошеню освободили под “подписку о невыезде” и при условии “неучастия в делах завода”.

ОБЩИЕ СОБРАНИЯ

Приехав на ЯМЗ в начале 1999 г., анархо-синдикалисты обнаружили, что борьба продолжается. Работники были твердо настроены отстаивать свой завод, не давая спекулянтам-собственникам распродать оборудование и оставить тх без средств к существованию.

На заводсткой площади регулярно собирались “митинги”, ставшие, по существу, суверенными общими собраниями трудящихся. На них принимались основные решения по всем вопросам жизни завода. Территория, оборудование и продукция завода охранялись рабочими. Обсуждался вопрос о возобновлении выпуска продукции и ее поставки потребителям. Все меры принимались самими рабочими и цеховыми ИТР, практически без участия администрации и работников заводоуправления, которые предпочли держать нейтралитет. Совет трудового коллектива дал согласие на назначение еще одного директора, но роль его во многом оставалась декоративная. Так, когда новый директор подписал документы на поставку продукции по ценам 1997 года, деньги от оплаты которой пошли на взаимозачет за электроэнергию, СТК эту поставку запретил до решения общего собрания, а директору было заявлено, что отгрузкой продукции СТК займется сам. Все решения по отгрузке санкционировались на “митингах”, то есть общих собраниях работников.

Самостоятельность рабочих сильно не нравилась начальникам. Против трудящихся ополчилась вся местная власть (в городе у власти столи люди, близкие к тульскому губернатору Стародубцеву из КПРФ) во всех своих трех лицах, тульское начальство и московские жулики. Через тульские и многие московские СМИ распространялись ложь и клевета на участников движения и его активистов. По существу, сколько-нибудь объективная информация шла только через малотиражную “оппозиционную” прессу, да и та по возможности старалась не замечать независимости и самостоятельности этого движения и главное - того, что это движение самоуправляемое. Конечно в нем были активисты, пользовавшиеся определенным авторитетом, но они не были начальниками. Их действия в полной мере определялись и контролировались общими собраниями рабочих. Это обстоятельство не позволяло им, с одной стороны, превратиться в очередную “правящую верхушку”, а с другой, -- придавало им силу. Это хорошо понимали сами рабочие. Хотя иногда в разговорах с ними проскакивала мысль, что не плохо бы найти “хороших начальников”, но даже те, кто так говорили, понимали, что “хорошими” начальники будут только до тех пор, пока собираются общие собрания. Такая позиция долго не позволяла взять движение под контроль различного рода политическим партиям.

В феврале 1999 г. ситуация на заводе оставалась крайне напряженной. Одновременно велось несколько судебных дел против старой администрации и за такой юридический статус завода, который смог бы каким-то образом закрепить существующее положение веще - рабочий контроль. Новая администрация, на назначение которой согласились рабочие, пыталась взять власть на заводе в свои руки, но, благодаря решительности и солидарности рабочих, это ей пока плохо удавалось. За попытки издать приказ, противоречащий интересам рабочих, нового директора выгнали из заводоуправления. Рабочие нуждались в моральной и материальной поддержке, квалифицированной юридической и экономической помощи.

Подавить протест силой власти все же не решались: среди работников ЯМЗ многие были охотниками и владели ружьями.

ПОДДЕРЖКА КРАС

Анархо-синдикалисты выразили свою безусловную солидарность с борьбой рабочих Ясногорска и в особенности

с той формой, в которой эта борьба разворачивалась -- с суверенными общими собраниями. Они приехали не учить работников Ясеногорска, как им следует жить, не приобщать их к некоей “единствено верной идеологии” или звать их в “свою партию” -- но разговаривать на равных, как трудящиеся с трудящимися, обмениваться опытом, рассказывать о том, как борются рабочие других стран и что из опробованного ими может быть прменено в нынешнимх условиях, на месте...

Задача КРАС состояла в поддержке и развитии элементов самоорганизации и самоуправления трудящихся, в том, чтобы убедить рабочих не отказываться от своей независимости, не передоверять судьбы своего движения ни в чьи руки -- ни партий, ни профбоссов, ни “добрых начальников”, ни, наконец, собственых “лидеров”. Эти мысли были сформулированы в листовках, которые анархо-синдикалисты распространяли на заводе, в их обращениях к митингам и в отдельных разговорах с рабочими и активистами. При помощи КРАС была организована международная кампания солидарности с борьбой работников ЯМЗ. Информация о событиях в маленьком городке в Тульской области распространилась по всему миру. Телеграммы поддержки прислали секретариат Международной ассоциации трудящихся, профсоюзы из Испании, Норвегии, Германии, США... В различных странах был начат сбор средств в помощь рабочим, не получавшим зарплату...

Учитывая молчание или враждебность СМИ, было крайне важно прорвать информационную блокаду вокруг ЯМЗ. КРАС предоставила в распоряжение ясногорцев свою печатную базу, печатала и распространяла “Рабочий листок” ЯМЗ.

ТРЕВОЖНЫЙ МАРТ 1999

Весна 1999 года стала решающей в борьбе рабочих ЯМЗ. В начале года под покровительством администрации завода был создан марионеточный профсоюз “Защита труда”, провозгласивший те же требования, которые выдвигал старый профком, отстраненный рабочими в прошлом году: приступить к работе, невзирая на отсутствие зарплаты и голод. Власти предоставили “Защите труда” полный доступ к местным средствам информации.

4 марта областной суд Тулы отменил решение и определение Ясногорского суда о незаконности проведения собрания на ОАО ЯМЗ. Тем самым, введение внешнего управления и назначение им новой администрации было признано незаконным. Это стало первой победой работников! Однако дело было возвращено на доследование в Ясногорский суд.

9 марта на общезаводском собрании в цехе №2 было рассказано о решении суда от 4 марта. Внешний управляющий В.Н.Пирютин продолжал игнорировать вопросы и требования работников, настаивая на том, чтобы они приступили к работе.

Назначенный на 10 марта суд по делу Л.К.Рощеня, избранного рабочими директором, не состоялся из-за неявки свидетелей - администрации завода. Заседание было перенесено на май. На собрании начальства 11 марта прокурор Ясногорска А.С.Матвейчик снова угрожал заключить Л.К.Рощеню и В.Д.Дронова в тюрьму.

17 марта в ходе беседы между Л.К.Рощеней, В.Д.Дроновым, членами профкома и СТК, с одной стороны, и внешним управляющим В.Н.Пирютиным, с другой, соглашения достигнуто не было.

Внешнее управление вместе с назначенной им администрацией продолжало требовать, чтобы люди приступили к работе, но, по существу, отказывалось выплатить им уже заработанную прежде зарплату. В тот же день внешний управляющий издал приказ, обязывающий администрацию при возобновлении работы своевременно выплачивать наработанную зарплату. На деле это осиавалось пустой демагогией, поскольку он отказывался заключить хотя бы временное соглашение с коллективом завода (первый пункт: своевременная выплата зарплаты). Курс внешнего управляющего и его администрации по-прежнему был на то, чтобы расплатиться с внешними кредиторами за счет зарплаты рабочих.

По городу распространялись клеветнические слухи о том, что активисты стачкома и профкома ЯМЗ якобы получают какие-то деньги и действуют за спиной рабочих. Клеветники скрывались за подписью мифической “группы возрождения Ясногорска”. Речь совершенно очевидно шла о провокации администрации.

ДВИЖЕНИЕ ИДЕТ НА СПАД...

В апреле и мае в настроении участников движения стала постепенно нарастать усталось. Протест рабочих Ясногорска прекрасно высветил как силу самоорганизованных выступлений, так и трудности этой формы борьбы в атомизированном обществе современной России. Выступление осталось изолированным от других категорий трудящихся города, и распространить его так и не удалось, несмотря на расклейку и раздачу “Рабочего листка”. Завод так и не был пушен под контролем коллектива. Рабочие выживали за счет продуктов с огородов, некоторую часть которой приходилось везти на продажу в другие города, что отвлекало силы и время от дела организации охраны завода и продукции и от участия в собраниях. Анархо-синдикалисты спрашивали у работников, почему бы им не организовать вывоз продукции с огородов сообща, по очереди. На это они получили грустный ответ: “мы чувствуем себя вместе и заодно только на заводе, на рабочих местах, но не дома...”

Апатия распространялась. Все меньше людей собиралось на митинги и выходило на охрану завода. Случалось так, что активистам приходилось стыдить и уговаривать пассивных и уставших: “это что, нам одним что ли надо? мы не хотим быть вождями!”...

В такой обстановке речь об эффективном рабочем контроле уже, разумеется, идти не могла. Стачком вынужден был искать компромисса с администрацией.

В конце концов, 14 июня 1999 г. многомесячная Ясногорская стачка завершилась. Рабочие добились ухода части бывших руководителей завода, создания комиссии по контролю над отгрузкой продукции, повышения зарплаты в 1,5 раза, постепенного погашения долгов по зарплате и оплаты 2/3 ставки за время простоя.

Так и закончилась эта беспримерная в истории современной России рабочая стачка. Возникшие в ходе ее структуры самоуправления, к несчастью, не удержались. Но урок и пример на будущее остается.

В. Грэй

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

По данным Мониторинга трудовых протестов, в 2018 году в России произошло 258 трудовых конфликтов, включая 116 забастовок (122 в 2017 г. и 158 в 2016 г.). Протестов становилось меньше, но они были напряженнее и радикальнее. Главной причиной стачек была невыплата заработной платы или задержка с ее выплатой. Основными источниками протестов являются региональные центры и малые города. 29% забастовок в 2018 г. произошло в сфере транспорта и связи, 20% в промышленности и 18% в строительстве, где подавляющее большинство протестов происходят в виде стачек ; “чаще всего эти акции носят стихийный характер , без участия профсоюзов. По сути, это протесты в неформальном секторе экономики (мигранты, неоформленные работники) или там, где профсоюзов нет и в помине”

ПОДЖИГАТЕЛИ

“Опять на патриотизм напирают – значит, проворовались”. Эта фраза, как утверждают, принадлежит великому сатирику Салтыкову-Щедрину. Или не ему: некоторые говорят, что это апокриф. Так или иначе, эта фраза весьма популярна среди критической общественности в России. И она наиболее точно описывает то, что скрывается за инцидентом в Керченском проливе в конце ноября 2018 года.

Кому принадлежит Крым; в чьих водах на сей раз столкнулись российские и украинские военные корабли; было дано предупреждение или нет; можно ли было остановить корабли, не открывая огонь – все это вопросы и темы для специалистов по праву, военной тактике или для политических спекулянтов. Для нас, обычных людей, интересны подоплека и риски нынешнего роста милитаризма в регионе.

Новейшее обострение российско-украинских отношений более чем когда-либо отражает нарастание внутриполитических проблем у режимов в Киеве и Москве. Неолиберальная, антисоциальная политика правящих элит в обеих странах наталкивается на все большее недовольство населения.

В Украине правительство президента Порошенко незадолго до инцидента резко повысило тарифы на газ. Это отвечало и требованиям МВФ. Когда к тому же стали происходить массовые отключения отопления, в ряде городов в ноябре вспыхнули ожесточенные уличные протесты. В Кривом Роге люди взяли штурмом здание газового концерна и сами подключили отопление. В других местах отмечались перегораживания улиц... При этом Порошенко был абсолютно нелюбим среди населения: за время его правления обнищание выросло на десятки процентов. В 2019 году предстояли президентские выборы, и Порошенко “светило” уверенное поражение. Нужно было “последнее” средство спасения - ставка на военную истерию.

Но и в России ситуация оказалась потенциально ничуть не лучше. После выборов весной 2018 года правительство президента Путина развернуло фронтальное неолиберальное наступление на население. В результате пенсионной реформы популярность его и его правящей партии упало до рекордно низкого уровня. Прежние патриотические мотивы (такие как разглагольствования о “России, встающей с колен” или эйфория вокруг Крыма) работают все хуже и хуже. Правящим кругам срочно нужен был новый отвлекающий фактор.

В подобных ситуациях в истории “верхи” нередко шли на риск “маленькой победоносной войны”. Но в сегодняшней Европе подобные игры слишком опасны. По крайней мере, намеренное разжигание войны чересчур рискованно. Но милитаристская истерия по-прежнему остаётся испытанным и эффективным политическим оружием. Нелюбимые политики всеми силами пытаются предстать в виде “сильных людей”, ни на йоту не уступающих “геополитическому противнику”. А раздувание “опасности извне” призвано обеспечить мобилизацию населения вокруг “национальной идеи” и тем самым заделать все более углубляющуюся пропасть между правителями и управляемыми.

При этом остаются два вопроса. Во-первых: как долго еще будут люди в России и Украине попадать в подобные ловушки? И во-вторых: насколько высок риск того, что ситуация ненамеренно выйдет из-под контроля и произойдет эскалация милитаристской истерии в настоящий военный конфликт? Увы, в современном мире капиталистического милитаризма заранее ответить на такие вопросы невозможно.

В.Д.

МИР СОПРОТИВЛЕНИЯ

ФРАНЦИЯ: “ЖЕЛТЫЕ ЖИЛЕТЫ” ПРОТИВ СТАРОГО МИРА

С ноября 2018 г. Францию охватило новое социальное движение. Десятки тысяч людей выходят на улицы, протестуя против неолиберальной политики властей. Символом их бунта стали желтые жилеты. Организовавшись независимо от политических партий и бюрократических профсоюзов, трудящиеся страны выступают против попыток переложить налоговое бремя на плечи простых людей, против тотальной приватизации всего и вся, против урезания расходов на социальные нужды, против бедности, нищеты и низкой оплаты труда, против реформ пенсионной системы и трудовых отношений в интересах капитала... Откуда взялся этот протест? Чего хотят “желтые жилеты”? Об этом - в статье из журнала секции Международной ассоциации трудящихся во Франции, организации, чьи активисты также принимают участие в движении.

Недели за неделями, месяц за месяцем движение “желтых жилетов” продолжается. Захват дорожных перекрестов в конце недели; демонстрации по субботам; временами – блокады перевалочных складов товаров или пропускных пунктов на платных магистралях: движение постоянно демонстрирует великолепную решимость, вызывая изумление и вопросы.

Каковы мотивы “желтых жилетов”? Откуда берется их энергия? Чего же они, наконец, хотят?

Вот уже много лет на обложке нашего издания помещается лозунг: “Автономное народное сопротивление”. Эти три слова выражают нашу уверенность в том, что только выступления эксплуатируемого населения, осуществляемые помимо партий и профсоюзов, позволит остановить разрушительное насилие капиталистической системы. Только автономное действие народных масс сможет сокрушить эту самоубийственную систему несправедливости и неравенства.

И вот теперь “желтые жилеты” сделали этот лозунг своим. То, что было не более чем кличем, превратилось в социальный факт, в реальность. Условия нашей жизни стали слишком тяжелыми; слишком тяжело стало выживать от зарплаты до зарплаты. Нам надоело терпеть мизерные пенсии для тех, кто работал всю свою жизнь; надоели мизерные зарплаты, непрочная занятость;

осточертели несправедливости, огромные доходы и бонусы начальников, которые закрывают предприятия и увольняют по мановению руки. Мы сыты всеми этими мошенниками, которые учат нас жить, красуются на экранах телевизоров, – надменными политиканами, столь же презрительными, сколь и лживыми жуликами. Нам надоела вся эта так называемая элита, которая считает себя безошибочной только потому, что обучалась в школах для богатых, и стремится переложить на плечи самых бедных слоев населения ответственность за тот катастрофический выбор, какой она навязывает в сфере экологии, экономики и политики. Распространение бедности, рост неравенства, загрязнение воды и воздуха, разрушение почвы и недр, уничтожение природных зон, оскудение биологического разнообразия, создание все более смертоносных вооружений, закрытие и перенос целых отраслей производства, исчерпание природных ресурсов... Все эти драмы – последствие того политического выбора, который делается классом имущих и властвующих.

И эти людишки, шефы крупных концернов или политики, столь переполненные собственными персонами, делают такой выбор единственно лишь затем, чтобы удовлетворить свою ненасытную жажду прибыли и свою волю к господству. Их любовь к власти и деньгам настолько огромна, что сводит их с ума, и они теряют всякое чувство меры. Их единственная мораль – это мораль прибыли: неважно, каковы последствия того или иного проекта для общества, здоровья и окружающей среды, если он принесет выгоду.

А последствия этой логики, этой системы, где все куплено и продано, – вот они. Мы все их видим. Каждый прекрасно видит, что столкновение государств, охваченных жаждой гегемонии и волей к господству, может в любой момент развязать ядерную войну, которая станет для человечества фатальной. Кто рискнет отрицать, что климатические нарушения, вызванные крайней и беззастенчивой индустриализацией и погоней за прибылью, представляет смертельную опасность? Как можно будет завтра прокормить население, которое не перестает увеличиваться, в то время как ресурсы сокращаются? В каком мире будут жить последующие поколения?...

Угрозы и опасности на нашей планете неописуемо многочисленны, как и поводы для опасений. Мы живем в крайне тревожном мире. Будущее, предлагаемое нам этой системой, все более и более несправедливой и неравной, – темно и мрачно. И именно эту перспективу отвергают “желтые жилеты”. Но как же противостоять ей? Как себя защитить? Очевидно, что профсоюзы, политические партии, все эти структуры, чья функция теоретически состоит в такой защите, превратились в простые придатки системы. Они ограничиваются тем, что побуждают хозяев соблюдать свои собственные законы. Как же можно доверять этим организациям, которые в значительной мере финансово зависят от субсидий, получаемых от государства и предпринимателей? Управлять социальными возмущениями, заводить их в тупики стало профессией, изучаемой в школах бизнеса. Сколькие из платных профсоюзных функционеров стали высокопоставленными чиновниками, министрами или генеральными директорами компаний!

Пусть даже множество рядовых членов профсоюзов остаются людьми честными, душой и телом преданными делу защиты заработков трудящихся – участвуя в своих структурах, они помогают поддерживать существование нынешней системы. А как можно доверять политикам? Каждый может легко увидеть, как власть и деньги превращают овечек в волков. Сколько примеров в истории тому, как простые и честные люди, считающие себя безусловными защитниками вдов и сирот, будучи избранными, оказываются настоящими акулами!

В мире, где все покупается, где все становится товаром, мнения и сознание тоже покупаются. Фабрикант мнения, покупатель сознания – разве не это сегодня называется лоббистом? И если суп слишком горек, если переварить его почти невозможно – тут как тут являются средства массовой информации. Они позволяют превратить самое омерзительное пойло в деликатес, а шута – в короля.

Так не будем же доверять никому, кроме самих себя – говорят “желтые жилеты”. Будем действовать сами; станем хозяевами нашей собственной жизни. Будем сопротивляться – сейчас и всегда – государству и хозяевам. Будем обсуждать все друг с другом, сами. Будем разрабатывать все вместе. Строить вместе.

Автономное народное сопротивление: будущее принадлежит “желтым жилетам”!

Anarchosyndicalisme! 2019. No.163.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ АНАРХИСТОВ В ИНДОНЕЗИИ

1 мая 2019 г. анархисты и анархо-синдикалисты Индонезии провели выступления в Бандунге, Сурабае, Макассаре, Джакарте... В ряде городов вспыхнули столкновения между демонстрантами и полицией.

В Бандунге на демонстрацию вышли в основном молодые школьники, студенты и прекаризованные трудящиеся. Некоторые из них были одеты в черное или несли черно-красные знамена. После стычек с напавшей на них полицией 619 человек были арестованы и подверглись издевательствам со стороны охранников капиталистического порядка. Их раздели, обривали наголо и свозили в комиссариат полиции, где часами заставили сидеть на земле. Десятки других организовавших митинги анархистов были арестованы в Сурабае и Макассаре.

Аресты были произведены не случайны. В Джакарте мобилизовали 26 тысяч полицейских для защиты демонстрации официального бюрократического профсоюза KSPSI от любой попытки “инфильтрации”. В ходе марша бандиты, нанятые профбоссами, несколько раз набрасывались на анархо-синдиалистов из PPSA, которые организовали собственный блок на марше и агитировали рабочих. Такое происходит уже не в первый раз.

На пресс-конференции 2 мая в Джакарте начальник полиции обвинил анархо-синдикалистов в организации беспорядков. Он назвал анархо-синдикализм интернациональным движением, развившемся в России, а затем - в Европе, Южной Америке и Азии. “Трудящиеся хотят выйти за рамки закона и устанавливать собственные правила”. Начальник генштаба армии выступил с призывом усилить репрессии против анархо-синдикалистов, а в местной печати была развернута кампания против М.А.Т.

Со своей стороны М.А.Т. начала кампанию в поддержку товарищей в Индонезии.

НА “ВИЛЛЕ ЛОКОМУНА”

В сеть “Коммуя”, которая объединяет “политические” коммуны Германии, входят более 30 общин в различных частях страны. Их обитатели стремятся построить жизнь на новых, свободных началах, по-возможности независимо от государства, капитализма и рынка. Настоящим средоточием движения оказался в последние годы район Касселя в земле Гессен. Здесь расположена не только старейшая и наиболее крупная из коммун, Нидеркауфунген, с 80 обитателями, развитым сельским хозяйством и ремеслами, но также “Вилла Локомуна” (создана в 2000 г.), Эшероде (2007 г.) и Лоссехоф (2012 г.). С 2011 г. местные коммуны налаживают все более тесное взаимодействие, сотрудничают на сетевом уровне и обмениваются друг с другом. Они издают общую газету, организовали культурные проекты, разбили два совместных огорода, которые снабжают экологически чистыми овощами не только коммуны, но и других местных жителей. Проводятся ежеодные семинары. О Нидеркауфунгене мы уже рассказывали в предыдущем номере нашего издания. Теперь речь пойдет о коммуне “Вилла Локомуна”, которая расположена в городе и потому не имеет возможности заниматься самостоятельным производством. Как можно организовать жизнь в таких условиях?

Луизе почти незачем покидать свое жилье. Если она хочет приготовить еду, ей достаточно спуститься по лестнице. Ее “супермаркет” всегда открыт. С одной из белых полок она берет оливковое масло, чай, шоколад или картофелины и рис. За всё это Луиза ничего не платит: никакой кассы нет.

И вообще она редко носит с собой деньги. Родители присылают ей по 600 евро в месяц, но каждый цент из них идет на общий счет. Луиза делит всё с 20 людьми, с которыми она живет вместе – а они делятся с ней. 21-летняя девушка живет в одной из коммун в Касселе – на Вилле Локомуна.

Политические коммуны. Это звучит как напоминание о движении 1968 г., Райнере Лангхансе и свободной любви. В этом месте Луиза предпочла бы закрыть глаза: клише действует ей на нервы. Для нее коммуна – это большое жилое сообщество с определенными идеалами. Необходимость бегать голышом сюда не входит.

Идеал Виллы Локомуна – это “социальная утопия”. Она стремится дать каждому человеку лучшее качество жизни и большую социальную защищенность, так чтобы все заботились обо всех. Обитатели должны вносить свой вклад и трудиться, как они хотят и могут. Любая деятельность для общины признается трудом – а не только та, что приносит деньги.

В настоящее время в Германии имеются (еще или уже) десятки политических коммун. Более 30 из них объединены в сеть “Коммуя”. Они стремятся к равноправным отношениям между людьми (“Мы отрицаем властные структуры”), построению коммунитарной (и экологической) формы жизни, которая не ориентирована на мышление в духе собственности и прибыли. Некоторые из них более радикальны в осуществлении этих принципов, другие – менее. Некоторые пытаются в значительной степени сами обеспечивать себя всем необходимым. Но в городской Вилла Локомуна это невозможно. Поэтому она ориентируется на создание сети с другими коммунами. Одна из них – Нидеркауфунген, одна из старейших коммун Германии.

Идея весьма близка Марксовой: “От каждого по способностям, каждому по потребностям” (...) В политических коммунах, таких как Вилла Локомуна, этот идеал живет в малых масштабах. Поскольку они все делят друг с другом, каждому в итоге достается больше.

Как это работает – и действительно ли все довольны?

Тому, кто захочет в этом убедиться, придется подняться вверх по небольшому холму, почти до кассельского елового леса. За металлическим воротами раскинулись небольшой двор площадью в 3000 квадратных метров, плоское четырехэтажное строение с окнами в форме бычьего глаза по сторонам и вилла с дымовой трубой. Обитатели живут в переднем доме. Через свою комнату на втором этаже Луиза протянула веревку, с которой свисают высушенные цветы и букеты; на двери и стенах висят самодельные картины. Светловолосая студентка-художница со стрижкой боб заварила чай.

Когда ей было 14 лет, она увидела по телевизору документальный фильм об эко-деревнях. С тех пор ее привлекал этот тип совместной жизни, столь отличный от ее собственного. У нее есть сестра, родители ее – учителя. Денег всегда хватало, и каждый был сам ответственен за собственное счастье.

После школы она на протяжении полутора лет ездила по Европе. Жила в альтернативных сообществах в Испании, Исландии, в лодках из старых дизельных баков в Копенгагене, в духовной коммуне во Франции... Модели отличались друг от друга, общим в них было одно: стремление к большей общности, к альтернативе капитализму и постоянному подталкиванию к росту. Когда она вернулась домой, то поняла, что первоначальное жилое сообщество ее уже не устраивает.

Луиза – одна из самых молодых обитателей коммуны. Разброс возрастов в ней – от 1 до 65; трое из них – дети; шестеро моложе 30 лет. К земельному участку относятся оба дома, несколько сараев, большой сад, сауна и лесная хижина. Имеются большой зал, пространство для детских игр, комната

для гостей и несколько бюро.

Вступление в Виллу Локомуна немного напоминает приход на новую работу. После первого собеседования заинтересованные кандидаты могут в течение 2 недель опробовать жизнь в коммуне. За этим следует испытательный срок в полгода.

Вначале Луиза встретилась с Хайнсом и Йенсом в саду за домом. Они сидели на скамейке перед деревянной башенкой и разговаривали об ожиданиях. “Я хочу осесть и хоть немного поучаствовать”, – сказала Луиза. Это было полтора года назад.

Она хотела жить вместе с самыми разными людьми – старыми и молодыми, родителями и одинокими, с людьми различных профессий. Причины она перечисляет, как заправский рекламщик: “Это устойчиво; это создает синергизм. Мы учимся друг у друга. Люди, которые больше испытали в жизни, просто менее зажаты. И у меня такое чувство, что моя картина мира в результате становится более совершенной”.

Можно только удивляться тому, как эта 21-летняя девушка думает о жизни. Но она сама отвергла бы такую мысль как “эйджизм”: молодых людей, констатирует она, меньше воспринимают всерьез. Она постоянно размышляет о себе и своем окружении, говорит о теориях, собственности и общении без насилия. Она говорит “студент/ки”, чтобы описать оба пола. На ее джинсовой куртке она напечатала белыми буквами слова “Move Utopia” – название политического движения, за которое она выступает. Она состоит в “Next Gen” – глобальной сети эко-деревень.

“Вместо того, чтобы спросить, что необходимо обществу, многие люди ориентируются на прибыль”, – говорит она. Деньги же сами по себе ничего не стоят. “Они не имеют приятного запаха, они не согревают и из них трудно сделать что-нибудь полезное”. Счастливыми делают отношения. Луиза хотела бы, чтобы все относились друг к другу с уважением, без иерархии. В коммуне правят все: “Мы живем при анархии”.

И эта анархия скрупулезно организована

Совместная жизнь в коммуне организована так. Решения принимаются консенсусом – но это не означает, что все должны быть одного мнения. Каждый вопрос обсуждается, пока не находят компромисс. Обсуждения проходят на различных пленарных собраниях; члены коммуны собираются на них каждые 2 недели. На социальных “пленарках” обсуждаются личные вопросы и проблемы, возникающие между людьми. На хозяйственных решаются финансовые вопросы. Наконец, на общем пленуме обсуждаются сроки, распределяются задачи. В ходе раунда сообщений каждый по очереди может поднять свою проблему.

Сегодня готовит Йенс (каждый вечер это делает кто-то другой). В Большом зале обитатели наливают в свои тарелки похлебку с картофелем и бобами и рассаживаются по двум столам. Ощущение немного как в школьном лагере.

Позднее вечером собирается общее пленарное собрание. Собравшиеся удобно устраиваются на диванах и креслах, укрывают ноги шерстяными пледами. Горит печка, с потолка блестит диско-шар. Луиза ведет протокол. Слово берет Дагмар. “Есть только один проект решения, и он не займет много времени”.

О расходах, превышающих 150 евро, следует заявлять заранее; важные решения висят на черной доске минимум 2 недели, чтобы все смогли их обдумать. Одна из обитательниц хотела бы дать своей старой подруге взаймы 7000 марок на ремонт дома. Может идти речь об отпуске или новом велосипеде. Иногда это приводит к дискуссиям: недавно один из коммунаров хотел купить пилу; решение было отложено. А вот очистка канализационной трубы стоимостью в несколько тысяч евро прошла.

То, как обитатели коммуны будут обращаться с деньгами, установилось не сразу. Они долго экспериментировали, рассказывает 54-летний Хайнс. Он – один из отцов-основателей коммуны. Устанавливались взносы, в зависимости от самооценки или размеров дохода; вводилось регулирование карманных денег... Только с 2010 г. все стало общим.

Но и им бывают нужны наличные деньги, чтобы общаться с внешним миром. Для этого существует касса. Где она находится, не говорят. На ней висит ключ, и в ней всегда должна лежать пара сотен евро. Однако и это заработало не сразу; повседневный баланс вскоре оказался в минусе. Они стали записывать все цели расходов, смотрели, где можно сэкономить. Это помогло. Со временем они стали записывать только суммы.

Вот как коммуна обращается с деньгами. Имеется счет для повседневных нужд. Двое из членов покупают продукты питания для всех. Они собирают все пожелания, составляя список. Наличные деньги коммунар может взять в кассе. О расходах более 150 евро необходимо заявить заранее; иногда они становятся предметом обсуждения. Расходы на земельный участок и дома финансируются за счет средств коммуны, помощи от друзей и кредитов. Вступающий в коммуну становится членом кооператива. Члены сообщают о своем имуществе, долгах и возможном наследстве. Каждый должен внести столько, сколько сможет. Минимальный вклад – 250 евро. Если он не может себе это позволить, расходы берет на себя коммуна. С общего счета сообщества примерно по 200 евро с человека поступает в кооператив в качестве месячной аренды. Часть из этого идет в фонд ухода по старости, который ориентирован на внесенное в коммуну имущество и переводится в кооперативный пай. Тот, кто меньше имеет, получает больший пай. Таким способом члены коммуны хотят противодействовать социальному неравенству и перераспределять имущество. “После пары лет отсюда можно выйти даже с плюсом”, – смеется Луиза.

Но насколько свободен человек, который должен отстаивать решения перед лицом группы? Ведь даже с собственным партнером по жизни иногда договориться непросто.

Когда Луиза все-таки выбирается в супермаркет, она спрашивает себя: “А действительно ли мне это так нужно?”. Она постоянно обдумывает свое поведение, как потребитель. Если она хочет новые джинсы, то размышляет, не скрываются ли за этим совсем другие потребности – например, желание признания? Не может ли она удовлетворить эту потребность как-то иначе? Но она и прежде делала так.

Должен ли каждый мыслить радикально, чтобы его здесь приняли? “Мы не устраиваем дискуссий, если кто-то хочет новые джинсы. Каждый может сам решать, в чем он нуждается”. Но известный энтузиазм в отношении сообщества и устойчивости проявлять следует.

“При авиаперелетах все уже начинают посматривать с иронией”, – говорит Луиза. Коммуна выступает за экологический образ жизни, а полеты на самолете – большой грех перед климатом. Тем не менее, это возможно. “Только если кто-то захочет делать это постоянно, мы ему, вероятно, об этом скажем”.

Индивидуальные и коллективные пожелания не всегда удается сбалансировать. Некоторые уже давно оставили жизнь в коммуне позади. Из 11 человек, которые начинали ее 18 лет назад, остались только четверо. Одни нашли работу в другом месте, другие предпочли жить в собственных квартирах. Двоим не понравилось делить свои деньги со всеми. “Были и не слишком красивые расставания”, – замечает Хайнс. Рассказывать более конкретно ему не хочется, и он ограничивается только этим: “Консенсус – это социальный процесс, который нельзя растягивать до бесконечности”.

Он имеет в виду вот что: при всей любви к индивидуальности, коллектив все же, в конце концов, сильнее. Жизнь в коммуне – это всегда также компромисс, а иногда и отказ. Тому, кто этого не понимает и не принимает, в ней не место.

И, тем не менее, Луиза чувствует себя свободной. Потому что она находится в окружении людей с такими же идеалами; потому что она может рисовать, быть политически активной и к тому же учиться у других. И она отдает обратно столько, сколько может. Недавно она организовала в коммуне праздник весны, рисует листовки и дорожные указатели. “Иногда я чувствую себя по-настоящему богатой”, – говорит она.

Но никто здесь не может жить только за счет того, что дает коммуна. Коммуне тоже нужны деньги. Многие здесь работают не по найму. Хайнс работает как натуропат и оформил фирму по производству коробок для инструментов. Тина преподает йогу. Двое других открыли магазин биопродуктов.

“Существует такой глубинный страх: что люди ленивы и эгоистичны, что они больше берут, чем дают. Но это неправда”, – говорит Луиза. Возможно, это и есть важнейшая предпосылка для жизни в коммуне: вера в людей.

Повседневные вопросы больше не стоят дискуссий. На черной доске висят планы по уборке, готовке, задачи... Иногда написано и “вакансия”. Луиза не сомневается, что всегда найдется тот, кто возьмет выполнение на себя – даже если речь идет об уборке туалета. Потому что это поможет сообществу, и потому что у людей здесь больше времени для того, чтобы выполнить даже такую задачу.

“Я считаю, что у человека есть большая потребность делать что-нибудь осмысленное”. В противном случае это просто включается в список на пленарном заседании. А кто не хочет участвовать – тот всегда волен уйти.

Май 2018 г.

Юлия Вадхаван.

https://www.bento.de/future/kassel-in-der-villa-locomuna-teilen-alle-bewohner-ihr-geld-a-00000000-0003-0001-0000-000002324043

КУЛЬТУРА

НАДЕЖДА, СТРАХ И “ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ”

В четырехсерийном канадском фильме-антиутопии “Голодные игры” (2012–2015) действие происходит в постапокалиптическом будущем – деспотическом государстве Панем (что в переводе с латыни означает “Хлеб”). Из процветающей и богатой столицы Капитолия страной, разделенной на покоренные дистрикты, управляет диктатор-президент Сноу. К “Хлебу” полагаются “зрелища”, и в знак своего господства режим устраивает новейший вариант гладиаторских состязаний – “Голодные игры”. Благодаря взаимопомощи, а не соперничеству, победительницей игр оказывается юная девушка Китнисс Эвердин, прозванная “Сойкой-пересмешницей”. Она внезапно становится символом народного недовольства и сопротивления. Вспыхивает кровавое, но победоносное восстание, и режим Сноу свергнут. Китнисс получает право казнить падшего деспота. Она поступает иначе. Фильм “Голодные игры” провозглашает борьбу за свободу. Но он же редостерегает: свобода не означает установление новой власти. Ради такого не стоит совершать революцию... Борьба за свободу – это борьба против любой власти.

В “Голодных играх” есть очень запоминающаяся сцена: когда Китнисс собирается пронзить стрелой из своего лука свергнутого президента Сноу, но в последний момент решает вместо этого застрелить нового президента – Альму Коин.

На протяжении всех серий фильма Сноу был главным врагом Китнисс. Он был президентом, нес ответственность за “Голодные игры”, держал дистрикты в рабстве, устраивал военные интервенции и угрожал самой жизни героини. Со всей очевидностью, он – главный злодей в фильме, тот, кого все ненавидят больше всего. И вот – мы видим, как Китнисс получает возможность убить его. Но она делает другой выбор и убивает ту, которую можно было бы счесть “меньшим злом”.

Она видит в этом меньшем зле то, чем оно является – зло. Вместо того, чтобы позволить этому злу подняться после того, как было уничтожено другое зло, Китнисс решает его предотвратить. Коин убила сестру Китнисс, так что Китнисс имеет и мотив личной мести, но ее поступолк мотивируется не только этим. Китнисс взбешена тем, что делает Коин, но она также понимает, к чему ведут ее действия.

Коин – отнюдь не избавительница. Она возглавила революцию против деспотического правительства, но готова принести в жертву невинные жизни ради победы. Так что она – просто конкурентка Сноу. Возможно, она не такая, как он, но она ничем не лучше. Поднимая оружие против Капитолия, она руководствуется не соображениями высшей этики. Это становится очевидным, когда она решает устроить свои новые “голодные игры” после победы.

Утверждение, что Коин – еще больший мерзавец, чем Сноу, спорно. Ее правление внушало людям надежду. Она была привлекательным вождем, ее уважали, ей верили. В ней не видели обычного политикана. Сноу был ненавистен дистриктам, его власть покоилась на насилии и сеянии всеобщего страха такими методами, как “Голодные игры” или публичные казни. Население дистриктов повиновалось, потому что не имело никакой надежды. Оно не видело способа завоевать свободу. Но когда появилась Сойка-пересмешница, оно увидело такой способ. Все, что ему было нужно, – это толчок. И Сноу прекрасно понимал это. Он допускал, что система хрупка, и говорил: “страх не действует, пока у них есть надежда, и надежду дала им Китнисс Эвердин”.

Коин тоже могла использовать страх и силу, но она никого не лишала надежды. Наоборот, она подпитывала эту надежду пропагандой в свою пользу. Она кормила ее своими пустыми обещаниями и ненавистью к соперникам, которых следовало раздавить. Поэтому люди шли за ней. 13-й дистрикт бессознательно послужил ее последующим мотивам в обмен на подаренную им надежду. И этот план был почти совершенным, если бы Коин не уличили в том, что она устроила бомбежку своих же людей. Если бы не это, она счастливо бы заняла президентский пост, и тирания процветала бы и дальше.

Для зрителей Сноу все время был очевидным злом, вот почему убийство Коин стрелой Китнисс оказывается для них резким поворотом сюжета. Даже для большинства зрителей, уже увидевших темную сторону Коин, ее смерть становится полной неожиданностью. Они ожидали смерти Сноу, потому что сами находились в плену схемы Коин. Они слишком сильно направляли свою ненависть на человека, а не на сам пост – не на президентство.

Как легко одурачить тех, кто возлагает свою надежду на Власть!

protestandrebel

МНЕНИЯ

БЫТИЕ И МЫ

Спрос и предложение. Что первично? Первична история вопроса, а не примитивный ответ типа “обществу нужно - мы производим” или же “мы потребляем потому что имеем такую возможность”.

В реальности процесс гораздо более сложный и напрямую связан с железной поступью индустриализма и массового производства. Но не только, т.к. не менее важным фактором является сопротивление власти и капиталу со стороны общества. Будучи не в силах победить силой сопротивление трудящихся, а также желая продолжать умножать и получать и получать прибыль, высшие общественные классы вынужденно следуют по пути морального подчинения - из эксплуатируемого индивида делают своего рода “сообщника”, т.е. -

потребителя. Человек потребляющий не склонен к бунту, т.к. удовлетворяет свои желания посредством потребления большего количества товаров.

Чтобы это происходило развивается массовое производство, т.к. без этого невозможно канализировать общественный протест. Начало данного процесса можно проследить где-то с рубежа 19-20 веков. Реальное же воплощение на широком уровне происходит в 1920-1930-е гг. Центрами эксперимента оказываются Соединенные Штаты и Италия. В США это находит свое выражение в частности в фордистской системе массового автомобильного производства, рассчитанного на массовое потребление же производимого товара: больше производить, чтобы больше потребляли, чтобы росла прибыль, чтобы меньше бунтовали, так как бунт снижает производство, что снижает потребление, что снижает прибыль. В Италии это идея корпоративного государства - псевдогармония общества и власти.

Далее выстраивается общеисторическая цепочка.

Сначала Октябрьская революция в смысле сорелевского Мифа, придавшая импульс мировому революционному движению на излете Первой мировой войны. Затем поражение мировой революции и торжество реакции воплощающее кошмары Ортеги-и-Гассета относительно власти человека из толпы. После этого Великая депрессия, на фоне которой фашистская Италия, нацистская Германия и демократические Соединенные Штаты действуют в экономической области примерно сходным образом. СССР же действуя в сходном с ними ключе выступает несколько особняком в силу некоторой изолированности от миро-экономики, что является наследием разрушительных последствий гражданской войны, а так же замотанности экономики Российской империи Первой мировой войной.

Накопившиеся с мировой войны противоречия постепенно привели мир к новой бойне, что к тому же помогло вывести экономики ведущих стран из затянувшегося кризисного состояния.

На излете Второй мировой войны логично было ожидать нового революционного подъема. И он имел место быть, однако гасящими его элементами сработали два важнейших фактора: негативная сторона Октябрьского мифа + нежелание возвращения мировой революционной волны высшими классами, помнившими предыдущую волну. В итоге начинается массовое воплощение в жизнь идей, предложенных Кейнсом. В совокупности эти и некоторые другие, в данном случае менее важные факторы, позволили быстро канализировать и кастрировать протест. С одной стороны это происходило благодаря тому, что массовый спрос на революцию удовлтетворялся негативным наследием Октября, что выражалось в ориентации на тоталитарную, государственно-капиталистическую модель СССР цинично выдаваемую за социализм, что было выгодно как властям Союза, так и западным либеральным кругам: первые вербовали своих сторонников по всему миру красивым мифом, заодно с этим не давая поднять голову реальной левой (анархистской) альтернативе, которая в силу своей слабости, что было следствием межвоенного разгрома по всему миру силами реакции, не могла противостоять на вербальном уровне массовой пропаганде сторонников модели СССР, выступавшего к тому же “главным (да еще и “левым”) победителем фашизма”; вторые же вербовали себе сторонников в своих странах пугая их ужасами “реального социализма” и “коммунизма”, тем самым доказывая несостоятельность левой альтернативы существующему миропорядку. С другой же стороны, чтобы народ не стремился к революционным преобразованиям в смысле стремления к улучшению своей жизни путем борьбы с властью и капиталом, ему дают возможность увеличивать свой потребительский рацион.

В результате в обществе распространяется идейная гегемония социального партнерства, базирующаяся на фордистско-фашистской этике: массовое производство ради массового потребления + корпоративная этика. Тем самым искусственно создается человек потребляющий.

Мир-система становится не просто капиталистической, но еще и корпоративной.

При этом конечно теоретическая модель способна быть идеальной лишь в стерильных лабораторных условиях. Символом этого становится новая революционная волна, распространившаяся в 1960-е гг. на фоне казалось бы торжества общества потребления (и зрелища, что явилось немаловажным дополнением контроля над общественными настроениями).

Однако же это уже другая история, требующая своего подробного рассмотрения.

Здесь же следует лишь отметить напоследок, что все вышеизложенное и создало современный нам мир, переживающий вот уже несколько десятилетий чудовищную экономическую ломку.

Теперь человек стал массового потреблять, так как был повышен общий уровень жизни, и появилась возможность не только его поддерживать, но и повседневно “улучшать” (именно в кавычках, т.к., в частности, улучшенная модель чего бы то ни было, это не улучшение уровня жизни, но не более чем замена одного потребляемого товара другим: переход от потребления телепередач путем покупки черно-белого телевизора с одним-двумя каналами, к потреблению все более усложняющихся компьютерных технологий - это не более чем удовлетворение одной и той же потребности в потреблении зрелища разными товарами одного типового уровня). Реклама, мода и пропаганда стали увеличивать частоту смены оболочки товара: старая модель телефона выходит из моды, а новая еще и обладает новыми возможностями, и все это требует своего потребления, чтобы идти в ногу со временем и не отставать от окружающих, уже вкусивших яблоко нового товара.

Человек потребляет, завидует, постепенно сходит с ума, убыстряет ритм собственной жизни, и... продолжает потреблять.

Ну а чтобы человек массовый продолжал мыслить в интересах высших классов ему были даны еще два фактора: стирание межклассовых границ (увеличение социальной мобильности) - у человека есть иллюзия того, что в потенциале каждый может перемещаться из одного социального класса в другой, причем это проявляется как в стремлении к улучшению своего положения (если постараться, то возможно повезет именно тебе, а не другому), а также и к ухудшению (это заставляет бояться ухудшения своего положения, стремится больше потреблять, т.к. это является гарантированной демонстрацией сохранения уровня жизни на прежнем уровне, т.е. его не ухудшения, а также базисом к улучшению) - и все это в свою очередь способствует общественной атомизации, что взывает к темным сторонам человеческого я, подталкивания индивидов к карабканию по головам ближних - из пропасти вверх, а так же из центра пирамиды к вершине с постоянно оглядкой на бездну, в которую лучше первым спихнуть ближнего, т.к. иначе он может спихнуть туда тебя (в конце концов в потребительском раю места не всех не хватит, эту циничную истину многие прекрасно осознают); вторым фактором является кредит, служащий своего рода психологической иглой, благодаря которой человек увеличивает свою потребительскую наркотическую зависимость, ведь даже если ты не можешь себе позволить потребить вожделенный товар (или услугу), ты можешь потребить ее в кредит (пусть даже ты и попадешь в долговременную кабалу, но первоначально она не очевидна, зато единовременное потребление происходит с единовременным расходованием меньших денежных средств, нежели это было бы без использования кредитной возможности).

И еще одно следствие из всего вышеизложенного является крайне важным для понимания тонкостей корпоративной мир-системы: человек потребляющий глядя на поступь неолиберальной экономики стремится в своей массе не к радикальному переустройству мира, являющемуся для большинства не более чем порождением чистой теории, но к стремлению к возвращению на предыдущую стадию общественного бытия - в реальность социального государства.

Раб хвалит свое рабское состояние, т.к. оно гарантирует ему сытную еду, одежду и кров, в то время как радикальный разрыв системного круга грозит походом в неизвестность.

Змея кусает собственно хвост и заискивающе смотрит на хозяина в ожидании новой миски с жирной похлебкой тепленького бытия.

А. Фёдоров

ПОТРЕБЛЯЙ-РАБОТАЙ-СДОХНИ

ИСТОРИЯ

АНАРХИСТЫ ПОДПОЛЬЯ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Сто лет назад, летом 1919 г. группа российских анархистов вступила в прямое вооруженное противоборство с комиссародержавием - большевистской диктатурой, которая узурпировала революцию и силой подавила самоуправление рабочих и крестьян. Группа была создана рядом анархистских (В. Азов, А.Н. Барановский, П. Соболев, Я. Глагзон, Х. Цинципер, К. Ковалевич и др.) и левоэсеровских (Д.А. Черепанов) активистов, а также прибывшими в Москву махновцами, которые намервались отомстить властям за расправу над повстанцами Восточной Украины. Она получила название Всероссийской организации анархистов подполья или Всероссийского повстанческого комитета революционных партизан.

В Декларации анархистов подполья говорилось:

“Возмущенные голодные рабочие и крестьяне совершили октябрьский переворот во имя всеобщего братства народов и свободы. Увы, кричавшие об этих высших заветах человечества, возмущавшие рабочих против смертной казни, эксплутации и войны большевики - ныне царствующая самодержавная коммунистическая партия, воспользовавшись доверием рабочих, захватили всю власть в свои руки, насадили чрезвычаек (охранников), отняли у трудящихся все их завоевания, все фабрики, заводы, земли и расстрелами, голодом, пытками и всеми орудиями полицейского гнета задавили всякое право человека, всякую свободу, всякую независимость. Арестовали, расстреляли и разогнали всех революционеров Октября, превратили Советы и правления производственных союзов в своих лакеев, задушили всякую мысль и, установив рабовладельческий строй, превратили всех в безгласных, бесправных рабов, а сами, завладев фабриками и заводами, хлебом и всем, чем владела буржуазия и чем можно владеть, стали неограниченно властвовать.

Никогда еще буржуазия, помещики, бюрократы и военщина не обладали такой беззастенчивочстью в угнетении всех остальных, и никогда они не имели наглости прикрывать свое угнетение именем попранной рабоче-крестьянской власти. И никогда еще не было такой противоположности угнетателей и угнетенных, как теперь”.

“Так окончательно вскрылся обман всякой власти и всякого государственного социализма в XX веке - обман, обнаружившийся и раньше во всех революционных движениях.

Власть не только орган угнетения, но самая основная причина экономического гнета, сама рождает из себя и содержит в себе эксплуататоров.

И вот перед угнетенными России, перед угнетенными всех стран, освобождающимися окончательно от обмана власти, стоит задача новой мировой революции во имя безвластного и внеклассового общества, о котором мечтали все лучшие люди революции, идущие не путем захвата власти и диктатуры, а свержения власти и укрепления безвластия”.

Анархисты подполья призывали к решительной вооруженной борьбе как с “белыми”, так и с “красными” государственниками, за свободные “федерации всех трудящихся” промышленности, сельского хозяйства и умственного труда, объединенные в “вольную конфедерацию”. Они экспроприировали несколько банков и касс. 2 июля в Туле удалось захватить более 1 миллиона рублей. В Москве вскрыта касса Народного банка на Долгоруковской улице; в банке на Большой Дмитровке изъят более 800 тысяч рублей. Еще 3,5 миллиона рублей было захваченго в Туле. На добытые средства подпольщики запаслись оружием и динамитом.

Анархисты наладили выпуск агитационных изданий: листовок “Правда о махновщине”, “Где выход?”, “Медлить нельзя”, газеты “Анархия”, текстов “Декларации” и “Извещения”.

25 сентября 1919 г., выдвинув лозунг “Да здравствует третья социальная революция!” анархисты подполья бросили бомбу в здание Московского комитета большевистской партии в Леонтьевском переулке - как было сказано в извещении повстанцев, когда там “обсуждался вопрос о мерах борьбы с бастующим народом”.

Ожидалось, что на заседании будет присутствовать сам вожак большевистской контрреволюции - Ленин. Однако он так и не приехал. В результате покушения были убиты 12 высокопоставленных большевистских чиновников, включая секретаря московской партийной организации Загорского. 55 деятелей были ранены, включая главу московской партийной организации Бухарина, Емельяна Ярославского, Ольминского и Покровского.

Чекисты выследили подпольщиков и в ноябре штурмовали их подмосковную дачу. Несколько анархистов взорвали себя; другие были схвачены. Аресты прошли также в других городах - Брянске, Туле, Пололься...

Большевистские власти жестоко расправились с участниками сопротивления. А. Восходов, А. Барановский (Попов), М. Гречаников, Ф. Николаев, А. Домбровский, П. Исаев, Х. Цинципер и Л. Хлебныйский были расстреляны, К. Ковалевич и П. Соборлев убиты...

В начале 1920 г. ЧК арестовала и левого эсера Д. Черепанова. Незадолго до расстрела он сказал большевистским следователям: “Об одном я сожаленю: при аресте меня схватили сзади, и я не успел присрелить ваших агентов. То, что сейчас творится, - сплошная робеспьериада!”.

Издание выпускается с 1994 г.

e-mail: comanar30@gmail.com
Наша страничка:
www.aitrus.info

АНАРХО СИНДИКАЛИЗМ

это анархистское течение в рабочем движении, которое считает революционные профсоюзы трудящихся основным средством борьбы за социальное освобождение и свободу человеческой личности. Он отвергает любые партии и выборы и признает только непосредственную самоорганизацию людей труда. Развивая навыки самоорганизации и солидарности в повседневной борьбе за улучшение жизни и расширение прав наемных тружеников, против произвола капитала и государства, проводя забастовки и другие акции протеста, анархистские рабочие союзы тем самым готовят Социальную революцию и торжество либертарного (вольного) коммунизма.

Наши цели:

• Замена государства общественным самоуправлением, свободным объединением людей в коммуны и их федерации вплоть до всемирного уровня. Всеобщее вооружение народа для поддержания порядка и обороны.

• Организация труда ассоциациями производителей на основе самоуправления. Передача функций координации и планирования экономики коммунам и ассоциациям. Переход собственности в руки самоуправляющихся объединений коммун и трудовых коллективов.

• Ликвидация денег и наемного труда.

• Свободное развитие каждой человеческой личности во всех ее проявлениях.